

К истории западно-понтийских городов в 80—40 гг.

I в. до н. э.

(Новые эпиграфические данные)

До конца XIX в. история греческих колоний западного побережья Понта была известна лишь по весьма беглым упоминаниям древних авторов.

Лишь нахождение новых надписей дает возможность установить ход исторических событий, ранее совершенно почти нам неизвестных. Таково положение с историей западно-понтийских греческих колоний в период Митридата VI и Биребисты—крупных противников Рима в I в. до н. э.

О политике и внешних связях западно-понтийских городов в эпоху Митридата античные авторы не приводят почти никаких сведений. Ни один из авторов не упоминает об участии западно-понтийских городов в Митридатовых войнах. Только описание похода Марка Лукулла во Фракию в 73—71 гг. до н. э. Страбоном (VII, 6), Плинием (NH, XXXIV, 39), Аппианом (Иуг., 30) и Евтропием (VI, 10) дает косвенное указание на принадлежность греков западного побережья Понта к антиримскому лагерю.

История походов полководцев Митридата на северное побережье Черного моря и проникновения их до р. Тирас была восстановлена В. В. Латышевым на основании декрета в честь Диофанта (IOSPE, I² 352). Дальнейшее распространение власти Митридата на западное побережье было возможно установить лишь для 4-х городов: Истрии, Томи, Каллатии и Одесса. В первых трех из вышеперечисленных городов в нач. I в. до н. э. производится чекан золотых статеров, на аверсах которых взамен Лисимаха изображается или сам Митридат, или его сыновья: Ариарат и Фарнак¹. В Одессе на серебряной монете города также чеканят изображение Митридата Великого. Это дало возможность Пику (I, 1, 92) и Рейнаку² предположить установление протектората Митридата над этими городами.

Очень важно указание Пика (I, 92) о том, что золотые статеры, выпущенные в Каллатии при Митридате, чеканились не по аттическому стандарту, как прежде, а по понтийскому весу, т. е. 8,38—8,15 гр.

Позиция Аполлонии, расположенной к югу от Гема, лишь косвенно определялась на основании рассказа Евтропия (VI, 10) о походе М. Лукулла, который *Apolloniam evertit, Callatim Parthenopolim Tomos Histrum Burziaonem cepit*.

Найденная в 1936 г. надпись и опубликованная М. Дановым—*Eine neue Inschrift aus Apollonia Pontica*³ раскрывает нам причины особой суровости римлян по отношению к Аполлонии. Надпись была найдена на острове св. Кириака, на котором, как предполагают, находился храм Аполлона. Она начертана на верхней части мраморной стелы (см. рис.). Прекрасная сохранность текста и довольно ровная линия скола плиты допускают мысль о том, что стела была повержена на землю во время разрушения Аполлонии римскими солдатами в 72 г., простояв всего лишь около 15 лет. Затем стела была использована в качестве камня в античном же погребении.

Текст надписи следующий:

Ἐδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ τῶν ἀρχόντων γνώμῃ | Ἐπειδὴ Ἐπιτορχάνων
Μενεχρά|τους Ταρσεὺς ὁ ἡγούμενος τῶν | 5. στρωμάτων τῶν ἀπασταλμέ|νων
ὕπο βουλῆς Μιθριχ|δάτοιο Εὐπάτορος ἐπὶ τῇ | σ]ον [μυχίσιν.....?

¹ Pick und Regling, *Antike Münzen d. Nordgr.* I, II, стр. 64, 65, 85, 92, 146, 154, 520, 591, 606, Head, *HN*², 275.

² Th. Reinach, *Mithridate Eupator, roi de Pont*, Paris 1890, стр. 72—73.

³ *Jahreshefte d. Oest. Arch. Inst.*, XXX, (1936), стр. 878.

Восстановление и дополнение 8-й строки текста было сделано одним из крупнейших современных эпиграфистов Ad. Wilhelm'ом¹.

Издатель надписи хотя и ставит вопрос о датировке ее, однако разрешает его крайне неопределенно, относя ко времени перед падением Аполлонии в 72 г. Также считает он, что «о цели послышки войск Митридатом не говорит ни наша надпись, ни также литературные источники...» (op. cit., стр. 91).

Однако разрешение именно этих вопросов позволит нам полностью выяснить картину взаимоотношений между Аполлонией и Митридатом. Сама по себе Аполлония—

Декрет из Аполлонии Понтийской

сдин из крупнейших городов на западном побережье Понта. Особенно важна была для Митридата позиция Аполлонии в связи с тем, что она была ближайшим портом Западного побережья к Гераклею, а находившийся на Боспоре Фракийском Византий держался про-римской политики и был камнем преткновения для войск Митридата².

Но особенность положения Аполлонии заключается не в этом. Как отмечает Ростовцев³, не все фракийские племена были на стороне Митридата. «Одрисский царь Садал I был союзником Суллы и послал ему отряды всадников и пехоты, под командой некоего Аматока, сына Теря, χιλιαρχος».

Владения одрисов были наиболее близкими к Аполлонии. Это означало, что Аполлония находилась под угрозой захвата враждебными Митридату одрисами, что по-

влекло бы за собой проникновение врага в Черное море. Сопротивление Аполлонии одрисам собственными силами было невозможно, т. к. вооруженные силы греческих городов и западного и северного Причерноморья, видимо, были немногочисленны⁴). Единственным выходом для аполлониатов было или примкнуть к римскому лагерю, или обратиться за помощью к Митридату. Новооткрытый декрет в честь Эпитихага свидетельствует о том, что Аполлония решительно стала на сторону Митридата, чем и объясняется особая враждебность римлян именно к Аполлонии.

Как видно из декрета, аполлониаты заключили военный союз с Митридатом, одним из условий которого была присылка царем гарнизона для защиты города.

¹ Хр. М. Данов, op. cit., 94 подкрепляет дополнение Wilhelm'a ссылкой на SIG³ 700, 24, где имеется выражение: *στασιώτα; ἐπὶ σωμαχίαν.... μεταπέμφαθα*,

² Reinach, op. cit., стр. 192—93 и 332.

³ «Gnomon», X (1934), 6.

⁴ SIG³, 731; G. Seure, RA XVIII (1911), стр. 493 сл.; Л а т ы ш е в, Ольвия, стр. 277—283.

Эта статья позволяет предположить, что сам город был важен для Митридата скорее как стратегический пункт, чем как военный союзник. Ведь город не только не снабжал царя отрядами войск, но даже отвлекал его силы. Можно предположить, что Аполлония обращается к Митридату именно в то время, когда ей грозила наибольшая опасность от соседей—во время выступления одрисов на стороне Суллы. Относится ли посылка Садалом I войск Сулле к началу его кампании на Востоке—к 86 г. или ко времени пребывания Суллы во Фракии—к лету 85 г., пока что не удается выяснить¹. Но именно к ближайшим месяцам после событий 86—85 гг. должно быть отнесено прибытие войск Митридата в Аполлонию.

Хр. М. Данов, хотя и не категорически, склонен датировать декрет временем перед падением Аполлонии в 72 г.² Это не представляется нам возможным. После целого ряда неудач Митридат именно в период 73—72 гг. не был в состоянии оказать помощь аполлониатам против Марка Лукулла. В эти самые годы Люций Лукулл осаждал южно-понтийские города: Гераклею, Тию, Амастриду, Синопу и Амис, которые во много раз были важнее для Митридата и которым он не мог оказать тогда помощь.

Еще менее вероятно, что в это время Митридат мог выделить отряд для посылки в Аполлонию, достаточно сильный для успешного сопротивления М. Лукуллу, проконсулу Македонии. Эти соображения заставляют нас отнестись декрет ко времени 86—85 гг., когда для охраны города от одрисов были присланы воины под командой Эпитинхана сына Менекрата, тарсосца. Происхождение Эпитинхана из Тарса позволяет предполагать, что это был отряд наемников из М. Азии. Данный декрет позволяет думать, что положение на западном побережье Понта в 80-х гг. было таково: города от устья Дуная до Гема входили в Понтийское царство. Далее за Гемом, где начиналась территория враждебных Митридату фракийцев одрисов,—Аполлония, настроенная активно антиримски, заключает военный союз с Митридатом. Союз, повидимому, был заключен на основе строгого уважения прав обеих сторон. Простое наименование «царь Митридат Евпатор» не носит ни малейшего признака лести или заискивания со стороны горожан. Заключение союза можно отнестись, вероятно, ко времени незадолго до прибытия Эпитинхана в Аполлонию, т. е. перед 86—85 гг.

Декрет в честь Эпитинхана подчеркивает также и активную антиримскую позицию Аполлонии и в корне отвергает положение Моммзена о том, что греческие города западного побережья Понта—«были природными клиентами Рима»³.

Характер дальнейших взаимоотношений между греческими западно-понтийскими городами и римлянами раскрывает недавно найденный текст договора между Каллатией и Римом. Надпись была опубликована М. Sauciuc Săveanu почти без комментария⁴. Второе, комментированное, ее издание принадлежит S. Lambrino⁵. Текст начертан на мраморной стеле, оббитой по краям, так что сохранилась лишь нижняя средняя часть текста. После дополнений можно прочесть следующее:

. . .] a [.	...pop]lus Romanus popl
...] alo quo po[plus...	...] o seiquo ad hance
...] t bellum face[re...	...agere eximere [...] e
...] pecu[n]ia adiuva[n]to	...] voluntate licet
...po]plo Callatino bellu[m]...	...]xe nt id societatem
...] ano qui[e] sub inperio	...Roma]nam utei scriberetur ac[po-
... po]plo Romano utei et	[neretur loc]o optumo in fa a no Concor[diae]
...] prio[d?] faxit [p]oplo	

¹ Выводы об этом Holleaux нам известны лишь по ссылкам Ростовцева («Гномон», X) и Данова (op. cit., стр. 94).

² Op. cit., стр. 94.

³ Моммзен, История Рима, т. V, стр. 6 (русс. перевод).

⁴ «Dacia», III—IV, стр. 456.

⁵ «Inscription latine de Callatis» в CRAI, 1933, стр. 278—288.

Несмотря на плохую сохранность, надпись дает возможность установить заключение договора—*societas*—между Каллатией и Римом. Как убедительно показал S. Lambrino, заключение договора может быть отнесено лишь ко времени пребывания М. Лукулла в Малой Скифии. Из рассказа Диона Кассия (38, 10) о походах Г. Антония в 62 г. мы узнаем, что в Мисии, т. е. в районе Истрии, у римлян были союзники. На основании этого текста Regling¹ предположил, что этими союзниками могут быть только греческие города западного побережья Понта. Текст договора Каллатии подтверждает факт заключения союзных договоров между западно-понтийскими городами и Римом, которое могло быть произведено лишь М. Лукуллом. Подчинение западно-понтийских городов власти Рима не могло быть прочным, когда не только Фракия не была подчинена, но и провинция Македония временами попадала в руки варваров. Единственным путем удержания своих позиций было заключение дружественных союзов с греческими городами с тем, чтобы от них наступать на фракийцев. Эту политику раскрывает нам сохранившаяся часть договора. Как отмечает S. Lambrino², имена обоих государств, заключающих договор, стоят альтернативно, что служит, повидимому, для определения обязанностей каждого из них. Из этих обязательств можно восстановить лишь обязанность каллатийцев помогать Риму в случае войны его с народами, которые находятся *sub imperio* (стр. 6) Рима. Тем самым раскрывается цель римского полководца при заключении договора с Каллатией: город должен быть не только опорным пунктом, но также и поставщиком денежных средств для борьбы с варварами. Можно предположить, что подобные же договоры были заключены и с другими западно-понтийскими городами. Они стали теми «союзниками», о которых говорит Дион Кассий. Lambrino (стр. 287) полагает, что в результате похода и договоров, заключенных с Лукуллом, «вся область подпала под римское владычество и была поставлена под власть наместника Македонии».

Нам кажется, что столь положительно говорить о подчиненном положении западно-понтийских городов нет оснований. Распространение римской власти на западно-понтийские города не имело реальной силы без постоянных оккупационных войск. Скорее можно предположить, что Лукулл стремился заключить равноправные договоры с греческими городами. Ведь его основной целью было не приобретение владений, а отторжение этих областей от Митридата, лишение царя его баз на западном побережье Понта. К тому же текст договора с Каллатией, сохранившийся столь мало, оставляет впечатление официального равноправия обеих договаривающихся сторон.

Как показывают события 62 г., эти договоры и обязательства были приняты греческими городами под давлением римского оружия.

В 62 г. до н. э. наместником Македонии был назначен Гай Антоний Гибрида. Из текста Dio Cass. XXXVIII, 10 можно вывести, что Антоний был назначен наместником только Македонии, а не Македонии и Фракии, как полагал Латышев³. Гибрида предпринял поход с двойной целью: оградить провинцию Македонию от набегов дарданцев и других племен и пограбить самих варваров. Кампания 62 г., направленная против дарданцев и их соседей, окончилась полным поражением Г. Антония. Бросив пехоту и награбленную добычу, он спасся бегством со своей конницей. После этого Г. Антоний решает отказаться от грабежа и покорения внутренних племен и обращает свои взоры на побережье. Зимой 62/61 гг. он проводит в Дионисополе (SIG⁴ 762), что, повидимому, причинило большой материальный ущерб жителям: должность жреца—эпонима города оставалась в этом году вакантной, и лишь богатейший житель города Акорнион решился взять на себя жречество. Поход Антония из Дионисополя на север, к Истрии, свидетельствует, что города к югу от Дионисополя и до Аполлонии сохраняли спокойствие⁴.

¹ Op. cit., стр. 591.

² Op. cit., стр. 281.

³ В. В. Л а т ы ш е в, сб. Печата, стр. 235.

⁴ Lambrino, op. cit., стр. 286.

Но на севере Антоний Гибрида столкнулся с сильным сопротивлением. Возможно, что он пытался получить те самые *rescipia*, о которых говорилось в договоре Каллатии с Римом. В ответ на его требования греки обращаются за помощью к своим соседям и недавним союзникам в Митридатových войнах против римлян—к скифам и бастарнам (Dio Cass., XXXVIII, 10). Соединенными силами скифов, бастарнов и греков Антонию было нанесено поражение недалеко от Истрии. Теперь и здесь римские войска были разбиты, и Антоний удалился обратно в Македонию.

Поражение Антония Гибриды имело большие последствия. Греческие города западного побережья Понта решительно отказались от союза с Римом и опять, как и в эпоху Митридатových войн, заняли резко антиримскую позицию. Поэтому совершенно неправильным нужно считать мнение Моммзена, что «поражение, которое было нанесено бастарнами коллеге Цицерона Антонию при Истрии, должно служить доказательством того, что тамошние греки снова нуждались в помощи римлян»¹.

Греки западного побережья искали помощи, но не у римлян против варваров, а у фракийцев, скифов и бастарнов против римлян. Ряд экспедиций наместников Македонии во внутренние области Фракии потерпел неудачу. Из них особенно серьезным было поражение Л. Кальпурния Пизона Цезонина в 58—55 гг., потерявшего свою армию во Фракии. В результате этого власть Рима с трудом была сохранена в центральной части Македонии.

В то же время, в 50 гг. I в. до н. э., на севере Балканского полуострова возникает мощное антиримское объединение северо-фракийского племени гетов. Гетский царь Биребиста выступает против Рима как бы на смену Митридата. Его царство охватывает пространство от Днепра на северо-востоке до Гема на юге². Царство Биребисты было той новой силой, за которой, частью добровольно, частью по принуждению пошли греческие города западного побережья. Но, несмотря на первоначальное, быть может, принудительное, подчинение греков Западного Понта гетскому царю, это более соответствовало условиям их существования на границе эллинского и варварского миров, чем признание власти Рима, к тому же непрочной во Фракии в рассматриваемый период.

И здесь эпиграфические данные позволяют ввести ряд исправлений и уточнений в сведения Диона Хрисостома, единственного автора, рассказывающего о подчинении западно-понтийских городов Биребисте (ог. XXXVI, 2—3). Дион Хрисостом говорит о взятии Биребистой всех греческих городов от Ольвии до Аполлонии, что создало представление о гетском завоевании, как о страшном опустошительном нашествии варваров на греческие города (Моммзен, Латышев, Дановъ). Основываясь на данных 3 надписей из Месембрии³, Ростовцев заключает, что Месембрия не была взята войсками Биребисты и что геты не проникли дальше Месембрии. Следовательно, сведения Диона Хрисостома о проникновении гетов до Аполлонии не точны.

Особенно интересна судьба Дионисополя. Этот город не только не был разрушен гетами, подобно Ольвии, но в течение долгого времени находился в дружественных отношениях с гетским царством. Декрет в честь Акорниона, изданный и прекрасно комментированный Латышевым⁴, раскрывает тесные связи между Дионисополем и гетами на протяжении не менее чем 15 лет. Они начались еще при отце Биребисты, при самом Биребисте богатейший гражданин города Акорнион играет роль советчика и после, в сношениях гетского царя с Гн. Помпеем в 48 г., город получает ряд благодеяний от

¹ Op. cit., 6.

² Обстоятельное описание царства Биребисты см. C. P a t s c h, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, V, 1: «Bis zur Festsetzung der Römer in Transdanuvien», Wien, 1932, стр. 42—51 и рецензия на него Ростовцева, «Gnomon», X (1934), стр. 3 сл.

³ G. Seure, RA, XVIII (1911), стр. 423.

⁴ Искрѣна, стр. 226—243; SIG 3762.

царя. Декрет в честь Акорниона свидетельствует о подчинении Дионисополя власти гетского царя, которое, однако, было не насильственным, а добровольным и принесло благополучие городу.

Традиции тесного содружества с варварами в форме взаимно выгодного подчинения греков варварам продолжались, вероятно, и после распада царства Биребисты. Пока что это удастся проследить только на примере Одесса.

В 1931 г. впервые был издан декрет из Одесса в честь Меногена сына Асклепида¹, являвшегося στρατηγός ἐπὶ τῆς πρσχυόρσφ φракийского цзя Садала. Шрифт надписи позволяет отнести ее к I в. до н. э., однако более точная датировка ее зависит от определения, о каком из фракийских царей Садалов идет речь. Тщательно собрав все данные о династах, носивших имя Садала, А. Salač приходит к выводу, что упоминаемый в декрете царь Садал идентичен с царем Садалом II, упоминаемым у Аппиана (de b. c. IV, 75); дата правления его относится издателем к периоду между 48 и 42 гг. Однако принимаемая А. Salač дата смерти Биребисты—48 г. до н. э. расходится с общепринятой датой—около 45 г. до н. э.² Поэтому возможно, что период подчинения Одесса царю Садалу II начинается не с 48 года, а с 45 года до н. э.

Текст декрета рисует нам положение Одесса после уничтожения гетского господства. Город, повидимому, входит в состав фракийского царства в качестве автономной единицы. Его внутренняя автономия признается и царем и его должностными лицами. В то же самое время город служит и местом пребывания царского наместника окружающей области. Мы не согласны с А. Salač в толковании термина στρατηγός ἐπὶ τῆς πρσχυόρσφ как général commandant à la frontière³. В декрете не упоминаются совсем какие-либо военные функции Меногена, горожане восхваляют его как благосклонного к ним царского наместника. К нему обращаются одесситяне по своим частным и по городским делам, последние он разрешает самым удачным для города способом. Титул στρατηγός ἐπὶ τῆς πρσχυόρσφ подразумевает ὑψῆς или ὑφῆας и, как нам кажется, его должно понимать как «начальник над прилегающей областью». Тогда нам станет понятным отношение города к царскому представителю. Повидимому, область вокруг Одесса составляла какую-то административную единицу в царстве Садала II, которой и управлял Меноген. Текст псефизмы не говорит о каком-либо вмешательстве Меногена во внутренние дела города. Стр. 15—17.... καὶ τὴν ἀνατροπὴν ἑῶν τοῦ το βασιλέω καὶ τῆς ἡμετέρας πόλεως ποιεῖται.... передают впечатление того, что город и царь рассматриваются одесситянами, как две равноправные стороны. В то же время царь Садал II всячески поощряет благоволение своего чиновника Меногена по отношению к городу. Эта политика поддержки варварами греческих городов побережья была действительно необходима для самих варваров (Dio Chrys., XXXVI, 5). Как указывает Ростовцев⁴, варварские царства, расположенные за линией греческих городов, хотели бы стать их полными хозяевами, но у них нехватало сил. Тогда оставался путь, проводившийся Садалом II,—всемерного покровительства греческому городу с сохранением его полной автономии внутри под верховным покровительством царя.

Декрет в честь Меногена позволяет нам попытаться объяснить, почему в одном только Одессе после событий 72 г. продолжали бить монету, тогда как другие западно-понтийские города чекан прекратили. Пик⁵ объясняет это тем, что Одесс добровольно сдался Лукуллу в 72 г. и этим спасся от разорения. Мы, однако, склонны искать причину продолжения чекана в том покровительстве Одессу со стороны фракийских царей, которое свидетельствуется декретом Меногена. Тесные отношения греческого города побережья с варварской периферией имели своим следствием высокий уровень

¹ A. Salač, Un décret inédit de la ville d'Odessos, BCH, 55 (1931), стр. 43—57.

² C. Patsch, op. cit., 51.

³ Op. cit., 55.

⁴ SEHW. стр. 769.

⁵ Op. cit., II, 520.

благополучия Одессы. Остальные города западного побережья Понта смогли, повидимому, достичь этого уровня лишь в императорскую эпоху, если исходить из данных нумизматики.

Итак, три недавно найденных надписи, рисующие внешнеполитические связи западно-понтских городов в период 80—40 гг. I в. до н. э., раскрывают перед нами чрезвычайную сложность истории этих городов. Можно предположить, что основным фактором их благополучия было сохранение тесных связей с варварской периферией. Подпадение под власть Рима в этот период вызвало враждебные чувства со стороны, во всяком случае некоторых, западно-понтских городов.

Т. В. Бороздина

О государстве синдов

При изучении истории народов Северного Кавказа и, особенно, истории Боспорского царства перед археологом и историком встает вопрос о синдах¹—небольшом народе, жившем на Таманском полуострове. Вопрос этот представляет тем больший интерес, что синды, видимо, еще в V в. до н. э. организовали здесь государство, одно из первых государственных образований на территории нашей Родины. Но хотя материал о синдах представлен всеми категориями памятников—свидетельствами античных писателей, эпиграфическими, нумизматическими и археологическими данными, весь этот материал настолько фрагментарен и скуден, что до сих пор мы не имеем ни одной специальной работы (даже статьи), посвященной синдам. В настоящей статье мы ставим своей целью собрать весь известный нам материал о синдах и попытаться составить общее представление об экономике, общественном строе и этнической принадлежности этого народа.

Первые упоминания о синдах мы встречаем еще у логографов. Затем нам сообщают об этом народе Геродот, псевдо-Скилак, псевдо-Скимн, Страбон и ряд других авторов². На основании данных этих писателей, страну, которую населяли синды и которая именовалась Синдикой, можно локализовать в юго-восточной части Таманского полуострова и на прилегающей к нему части Кавказского побережья до Анапы включительно. Возможно, что иногда синды распространялись и более широко, занимая и район древней Фанагории³.

Большой интерес представляет вопрос, кто такие были синды и в какой связи они находились со скифскими, мэотийскими и другими племенами Северного Причерноморья.

В античной историографии существовала точная зрения, представленная Страбоном, согласно которой синды являются одним из мэотийских племен. В надписях синды

¹ Народ, о котором мы говорим, античные писатели называли *συνδοί*. Все античные авторы локализируют их в районе Боспора Киммерийского. Только Аполлоний Родосский отмечает, что они были жителями Лаврийской долины и соседями фракийцев и скифов. Кречмер считал, что малоазийские синды представляли собой часть боспорских синдов, попавших в Малую Азию во время скифского похода. Б. Н. Граков придерживается той точки зрения, что эти два народа не имели между собой ничего общего, и указывает, что и имя их писалось по-разному. Имя *συνδοί* П. Н. Ушаков связывал с хеттским *syanta*, что значит «река», «поток». С этим согласуется приводимое Скимном имя *Λιμναίων ἑθνός* —«приозерные», т. е. греческий перевод имени синдов.

² Hellan., FHG, vol. I, fr. 92; Herod., IV, 28; Scyl., GGM, vol. I, fr. 70; 71; 72; 73; Str. XI, 2; 10; Anon., SC, vol. I, 279—280,

³ Scyl., GGM, vol. I, fr. 73.